

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СВОБОДЕ В АНГЛИЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ УТОПИИ

Андреев Глеб Сергеевич

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет
glen19@yandex.ru

HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT OF FORMING REPRESENTATIONS ABOUT FREEDOM IN ENGLISH CLASSICAL UTOPIA

G. Andreev

Summary. There are a few factors which have an influence on the final and completed form of fiction. The degree of each of them could be more or less important. As for utopia there are three factors which have the most important role: the features of the genre, context, personal preferences and views of the author. All of them have a valuable impact on the concept of freedom presented in each author's utopia. In this article there is an attempt to examine and describe the degree of impact of each of these factors in the formation of the ideas about the concept of freedom in English classical utopia. Cultural context is the most powerful reason to distinguish English utopian tradition from all others, that's why the consideration of it is the biggest part of this research. The factor of the genre is also counted and examined, but there are not enough opportunities to consider the factor of preferences because of the generalizing character of this research, the main purpose of which is not concerned with making out an issue about each author and its utopia. The main reason of conducting this research is the finding the role of the historical context in the formation of the concept of freedom in English classical utopia.

Keywords: utopia, freedom, context, More, Simmel.

Аннотация. Обратившись к утопии, можно выделить три фактора, влияющих на построение утопической системы: особенности жанра, культурный контекст, личные предпочтения и взгляды автора. Каждый из этих факторов влияет на концепцию свободы, складывающуюся в каждой отдельной авторской утопии. В данной статье будет предпринята попытка рассмотреть степень влияния этих факторов в формировании представлений о свободе в английской классической утопии. Основной акцент будет сделан на исследовании историко-культурного контекста, поскольку именно он позволяет выделять английскую утопическую традицию из списка других утопических проектов. Также будет рассмотрен фактор жанрового влияния на концепцию свободы в целом, фактор личных предпочтений не будет рассмотрен подробно, потому что данная статья имеет характер обобщающий, и не преследует цели рассмотреть каждую утопию в отдельности. Основная задача состоит в том, чтобы выяснить каково влияние историко-культурного контекста на формирование взглядов на свободу в английской классической утопии.

Ключевые слова: утопия, свобода, контекст, Мор, Зиммель.

Рассуждая о личной свободе в утопии критики этого жанра расходятся в своих взглядах на эту проблему. Александр Свентоховский, к примеру, говорит, что свобода в некоторых утопиях настолько ограничена, мысли и чувства урегулированы в них заранее, «кто бы захотел подчиниться им, тот должен перестать быть человеком» [8, с. 409]. Другой польский исследователь, Ежи Шацкий полагает, что: «утопия не угрожает человеческой свободе, поскольку «подлинная свобода» осуществляется как раз в ее рамках» [10, с. 45]. Карл Каутский замечает, что общество, описанное Мором, «единственное, к которому применимо название «свободного»» [5, с. 294]. Льюис Мэмфорд пишет о том, что в утопии «каждый в состоянии быть человеком, потому как никто не в силах превратиться в чудовище» [13, с. 78].

Как отмечает З. Бауман, оксфордский словарь английского языка с 1483 года фиксирует употребление

термина «свобода» как возможность идти куда угодно. С 1578 свобода определяется как действие без ограничений. К 1697 году фиксируется употребление термина «свобода» как избавление от повинностей, работ и податей. «В древне- и среднеанглийском свобода всегда означала льготу — избавление от налога, пошлины, подати и юрисдикции лорда» [1, с. 22–23].

До конца XVI века свобода была синонимом благородного происхождения и привилегий, положенных человеку по рождению. На изменение такого порядка повлияли, в том числе, утопические проекты, зачастую провозглашавшие равенство в правах и обязанностях всех граждан.

Карл Ясперс заметил, что «быть может, самые глубокие противоречия между людьми обусловлены их пониманием свободы» [12, с. 166]. Однако не только это объ-

ясняет такую палитру оценок личной свободы в утопии. Такое расхождение во мнениях объясняется еще и тем, что в своей работе «Принцип надежды» Эрнст Блох назвал разрывом связей и невозможностью абсолютного прочтения. Это в конечном итоге приводит к разрушению культурного контекста. Отсюда проистекает разница во взглядах и отличия современных идеалов свободы и идеалов общества времен Мора или Гаррингтона. Утопия Мора была опубликована в 1516, проекты Бэкона, Уинстенли и Гаррингтона были напечатаны в XVII веке: в 1627, 1652 и 1656 годах соответственно. «Вести ниоткуда» Морриса опубликованы в 1890 году, естественно, что идеалы свободы трансформировались за это время.

Учитывая все выше сказанное, вряд ли можно назвать жизнь людей классических утопических проектов свободной: главным примером является всеобщая трудовая повинность, никто не ведет праздной жизни в утопии. Права те, кто утопические порядки сравнивает с идеей Паноптикума Иеремии Бентама, в основе которого лежит тотальный контроль. Задачи, которые ставил перед Паноптикумом Бентам, «наказывать неисправимых, исправлять порочных, лечить больных, наставлять желающих в любой отрасли ремесла или воспитывать юное племя на стезе образования», ставятся и перед создателем утопии. Но отправная точка идеи Бентама — различие, традиционная же идея утопии — равенство. Следует заметить, что самый важный вопрос о главном надзирателе, который в реальности оставался дискуссионным, в утопии решается, и главным над всеми признается и назначается закон. Возможным это становится благодаря принципу интериоризации.

Внешняя норма усваивается новыми поколениями и переходит во внутренний принцип самоорганизации. Здесь стоит сказать о том, что принцип интериоризации в утопии принимает более сложный характер. По сути, он предназначен для новых членов утопии, т.е. поколений, следующих за установлением идеального общественно-общезития. Цивилизационный процесс, результатом которого является интериоризация нормы, проходит, как пишет об этом Норберт Элиас, в четыре этапа. «Первый связан с тематизацией нормы, второй этап связан с детализацией нормы и становлением объекта, на который направлено общественное сознание, на третьем этапе происходит выдвижение санкций за пренебрежение нормой» [11, с. 233], на четвертом этапе наблюдается исчезновение нормы, но четкое ее соблюдение, т.е. переход из внешней по отношению к индивиду среды в его внутренний принцип.

При всем том, что по формальным признакам интериоризация в традиционных обществах и утопии развивается по единой схеме, интериоризация в утопии имеет иные предпосылки и принимает форму осознанного

решения всех индивидов. В традиционном обществе цивилизационный процесс характеризуется тем, что под давлением все большего количества внешних норм принуждения увеличивается процесс самопринуждения человека. Поскольку в утопии законы доведены до совершенства, их критерием выступает высшая степень разумности, а источником является все общество в целом, количество их минимально, а их соблюдение правдиво, то в утопии граждане полагают украться от гнета законов и рабства — бед традиционного общества. В случае с утопией, процесс самопринуждения превращается в добровольный, осознанный и приятный, а интериоризация, таким образом, ведет не к увеличению принуждения, а обращает человека к самоконтролю. Человек, добровольно выбрав нормы для себя и общества и поняв их реальное совершенство подчиняется им, но процесс этот проходит не под давлением закона или страхом наказания, а превращается в собственный личный выбор каждого индивида. В утопии нет понимания свободы как привилегии, поскольку нет власти ни над кем, кроме себя. Это приводит к важному отличию от традиционного общества, где «одни люди устанавливают нормы, другие им следуют» [1, с. 38], потому как в утопии устанавливают нормы все люди для самих себя и сами строго соблюдают.

Английский философ XVII века Томас Гоббс, обращаясь к теме свободы отмечал, что человеческие действия похожи на воды реки: они имеют не только свободу, но и необходимость течь по своему руслу. «Такое же совмещение мы имеем в действиях, совершаемых людьми добровольно... Так как добровольные действия проистекают из воли людей, то они проистекают из свободы, но так как всякий акт человеческой воли... проистекает из какой-нибудь причины, а эта причина — из другой в непрерывной цепи... то они проистекают из необходимости» [3, с. 233]. Другой английский философ Джон Локк полагал, что человеческая свобода состоит в том, что «индивид может действовать или не действовать согласно своему выбору» [6, с. 317]. Человек обладает способностью обдумывать свои действия, силой откладывать свои желания, свободой рассмотрения объектов.

Разрушение культурного контекста также позволяет, как пишет Блох в работе «Принцип надежды», при прочтении выявить новые идеи, подняться на более высокий уровень обобщения, пристальнее рассмотреть не отдельные фрагменты, но весь замысел утописта, а главное оценить идеалы, положенные в основание нового совершенного общества. Подтверждением этого может служить признание А.Л. Морттона, что идеал абсолютной свободы Морриса, собранный из множества мелких деталей жизни будущих поколений в утопии, остается идеалом нашего общества.

Жанровые особенности утопии довольно строги, однако следует отметить, что некоторые особенности приняли на себя роль своего рода правил оформления утопического текста и играют роль своего рода маркеров для четкого ориентирования читателя по поводу направленности текста. Среди особенностей утопического жанра выделяются: диалогическое построение текста; описание общественного идеала, не требующего последующих преобразований; отсюда особенность изображения утопии вне исторического времени и на основе островного принципа, который позволяет отгородить утопию от внешнего мира; также вера в безграничные возможности человека и принцип тотальной рациональности.

Особенность построения текста по диалогическому принципу (даже в случае микродиалогов или формальной вопросно-ответной форме изложения) активно используемая в жанре утопии, нововведение эпохи Возрождения, позволила авторам утопических проектов ввести элементарное человеческое общение. Это увеличило свободу описания, позволило оживить текст, сделать его более непринужденным и не похожим на нравоучительный текст или комментарий к Библии, также создало эффект правдоподобного повествования, имитирующего ситуацию, возможную в реальной жизни.

Другая особенность — островное описание утопии было продиктовано несколькими причинами. Островное расположение давало возможность не только укрыть жителей идеальной страны от посторонних глаз, но и давало призрачную надежду на то, что такой остров мог быть однажды обнаружен во всей своей красоте. Однако островное расположение утопии ограничивало возможность жителей путешествовать.

Связь культурного контекста и концепций утопической свободы выражается в общекультурных установках, транслируемых через общественные представления и идеалы. «Все английские утопии, как бы ни были они универсальны, всегда имеют в виду прежде всего свое отечество» [8, с. 95]. Это проявляется в эпиграфах: «О тебе сказка рассказывается», как у Гаррингтона или в изображении будущей Англии, как в утопии Морриса. Также об этом косвенно говорит тот факт, что английские утопии редко отступают от традиции изображения островного государства, связано это, безусловно, и с традицией, как было описано выше, моды на которую также ввел англичанин. Однако Англия, островное государство, всегда оставалось площадкой для умозрительных экспериментов своих граждан.

Важным является также показательный момент того, что в Англии авторами утопий зачастую становились далеко не последние сыны отечества: Томас Мор был

лорд-канцлером и сыном сэра лондонского судьи, Фрэнсис Бэкон был лордом-канцлером, бароном и виконтом, Джерард Уинстенли родился в семье богатого торговца шелком, Джеймс Гаррингтон окончил Оксфорд, Уильям Моррис родился в семье зажиточного промышленника и также был выпускником Оксфорда. Среди английских утопистов не встречались такие личности, как Томмазо Кампанелла, который был сыном нищего сапожника или Роберт Оуэн, сын мелкого лавочника, также не получивший системного образования. Большинство английских утопистов получили хорошее образование и принимали активное участие в политической жизни своей родины.

Для английских утопий не свойственно практическое утверждение должного в качестве сущего, что характерно для французских утопических воззрений. Для английской классической утопии характерно теоретическое обоснование возможности должного, поиск верных оснований, рассуждения о лучшем порядке, но не провозглашение уже найденных истинных оснований или требование скорейшего уничтожения текущего порядка. Для английского утопического творчества не свойственна такая разновидность, которую Тоффлер назвал практопией. Практопия — система социальных реформ, направленных на построение не идеального, но лучшего, чем наш, мира. Всех прелестей утопии французы добьются скорее революцией, английский утопизм выберет охотнее реформу, если это возможно и революцию, только в случае крайней необходимости.

Официально Англия не знала тоталитарного режима. Считается, что «для английской утопии характерна принудительная установка на свободу, предполагающую религиозную толерантность» [9, с. 14]. Для английской утопии характерно употребление термина «свобода», лишь в произведении Бэкона оно не встречается ни разу. В английских утопиях провозглашается человеческая свобода от примитивных радостей — роскошных платьев или огромных домов, «зато утопийцы обретают духовную свободу, возможность жить богатой духовной жизнью» [7, с. 89]. В утопии Мора есть установка на религиозную толерантность, провозглашенную королем, до тех пор, пока не будет явлен свет истинной религии. Джерард Уинтэнли в своей утопии «Закон свободы» провозглашает аграрную свободу, и объявляет главным ее достоинством — возможность работать на общей, принадлежащей всем в равных долях, и не принадлежащей никому полностью, земле. Гаррингтон провозглашает равенство в избирательных правах и религиозную свободу. Он полагает, что политическая свобода будет обеспечена вовлечением наибольшего числа граждан в разумное управление своей страной и свободной и постоянной ротацией всех государственных чиновников. Бэкон в своей утопии возлагает надежды на свободный от идиологического человеческого разум и провозглашает триумф

человеческих возможностей жителей «Новой Атлантиды» в их бесконечных умениях, технологиях и ремеслах. Моррис, освобождая будущие поколения Англии от политики, судебных пут, тюрем и мнимых нужд, видит их счастье в том, чтобы они проводили каждый день с пользой для всех, а, значит, и для себя. Интересно, что большинство английских утопистов провозглашают свободным труд, который, однако, объявляется обязательным для каждого, все граждане равны в своих трудовых обязанностях и почестях.

Концепция свободы в утопии складывается также под влиянием личных взглядов утописта, приобретая свой окончательный вид. Как было раньше отмечено, большинство утопистов единодушны в своем видении причин несчастья людей: неравенство, невежество, леность, отклонения в половых отношениях. Однако вопрос о том, как решать эту проблему, остается на совести утописта. Очевидно, что проблема невежества решается установлением разумной системы воспитания, проблема лености разрешается введением общей трудовой повинности, а проблема неравенства может быть решена посредством справедливых законов, которые также регулируют половые отношения. Но система воспитания в английской утопии может варьироваться от традици-

онной общественной школы с ее постепенной системой увеличения знаний, как у Бэкона, до свободного усвоения основных практических навыков и дополнительных научных знаний для желающих, как это описывает Моррис.

В конечном счете, три этих аспекта придают законченный вид концепции свободы, описанной и реализованной в утопии. При этом необходимо отметить, что жанровые особенности сами по своей сути предполагают некоторую направленность утопии на свободу, в рамках которой личные предпочтения и взгляды автора придают ей окончательный вид, создают «историю» ее становления, варьируют значение финальных ценностей. Историко-культурный контекст английской классической утопии имеет функцию вектора, задающего направление всей концепции свободы и тон всей утопии, не претендующей на роль истины в последней инстанции. Предлагает альтернативу мгновенным глобальным изменениям в реальности, заключающуюся в использовании положительной функции утопии — как возможности построения умозрительного концепта, с целью приглашения к дискуссии и теоретическому обсуждению концепции свободы с целью повлиять на реальную жизнь граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Свобода: пер. с англ. Дашевского. М.: Новое издательство, 2006.
2. Берлин И. Философия свободы. Европа, М.: Новое литературное обозрение, 2001.
3. Гоббс Т. Избранные произведения. В двух томах: пер. с англ. Т-2., М.: Мысль. 1964. — с. 199–254.
4. Зиммель Г. Кризис культуры. Избранное. Т-1. Философия культуры М.: Юрист. 1996. — с. 489–493.
5. Каутский К. Томас мор и его утопия: пер. с нем. М.: Либроком. 2011.
6. Локк Д. Сочинения в 3-х томах: пер. с англ. А. Н. Савин., Т-3, М.: Мысль. 1988. С. 274–276; 317–334.
7. Осинковский И. Н. Томас Мор. М.: Из истории мировой культуры. 1985. — 168 с.
8. Свентоховский А. История утопий. От античности до конца XIX века: пер. с польского. М.: Либроком. 2012. — 448 с.
9. Шадурский М. Литературная утопия от Мора до Хаксли: проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. М.: Издательство ЛКИ. 2007.
10. Шацкий Е. Утопия и традиция: пер. с польского. М.: Прогресс. 1990.
11. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: пер. с нем. А. Руткевич. Т.2., М.: Университетская книга. 2001.
12. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер с нем., М.: изд. Политической лит. 1991.
13. Mumford L. The story of Utopias. New York. 1972. P.59–79.

© Андреев Глеб Сергеевич (glen19@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»